

ность вклада А.Ф. Кони в развитие русского литературного языка. В этом видится дополнительное практическое значение подобных словарей в целом.

В книге представлены три словаря: «Частотный словарь обвинительных речей» (9323 слова в 120892 употреблениях), «Частотный словарь руководящих напутствий присяжным» (2527 слов в 11809 словоупотреблениях), «Частотный словарь кассационных заключений» (2726 слов в 17747 словоупотреблениях). Первый словарь создан на основе 16 речей, а второй и третий – на основе 3 произведений каждый. Данное разделение видится нам вполне логичным, да и цифры весьма внушительные. При этом интересно познакомиться с особенностями лексической структуры юридических текстов разного предназначения.

Лексические единицы расположены в словарях в порядке убывания частот. Чаще всего в обвинительных речах А.Ф. Кони употребляется местоимение *он*, которое отмечено 6726 раз (в том числе *она* – 1415, *оно* – 155, *они* – 1134). Второе место по частотности занимает сочинительный союз *и* (4857 раз). Самый употребительный глагол – *быть* (1955 раз), второй по частотности глагол – *говорить* (391 раз). Существительное *дело* встречается 706 раз, второе по употребительности существительное *человек* (480 раз). На наш взгляд, интересен тот факт, что слово *тысяча* употребляется чаще слова *подсудимый* (один из главных участников судебного процесса).

В напутствиях присяжным самым частотным является союз *и* (479 раз). Интересно, что здесь самым частотным является именно существительное *подсудимый* (70 раз). Самым частотным стал также глагол *быть* (146 раз).

В словаре кассационных заключений А.Ф. Кони также наиболее используемым является союз *и* (734 раза), самое частотное существительное – *дело* (241 раз), самый употребительный глагол – *быть* (230 раз).

Вторую часть книги составляет глава «Лексическое богатство судебных выступлений А.Ф. Кони». Здесь автор рассматривает объем и состав лексики судебного оратора, его лексико-грамматическую и стилистическую характеристику, анализирует иноязычные слова и выражения в лексиконе

оратора. З.В. Баишева выделяет 129 самых частых слов, общих для трех словариков судебных речей. Самыми частотными являются слова *быть* (2257 раз), *мочь* (1037 раз), *дело* (994 раза), *подсудимый* (541 раз), *тысяча* (536 раз). Исследовательница выделяет основные тематические группы употребляемой оратором лексики, определяет слова, общие только для словариков обвинительных речей и руководящих напутствий присяжным (80 слов). Общими для словариков обвинительных речей и кассационных заключений являются 45 слов, а для словариков кассационных заключений и руководящих напутствий присяжным – 47 слов.

Основная ценность рецензируемой книги состоит в возможности практического применения, поэтому особенно рекомендуем данные словари практикующим юристам и филологам. Будем надеяться, что впоследствии мы сможем увидеть частотные словари других русских судебных ораторов, иных элитарных языковых личностей, что будет способствовать более достоверному изучению развития судебного красноречия и русского литературного языка в целом.

Книга «Частотные словари судебных выступлений А.Ф. Кони» предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей гуманитарных и негуманитарных факультетов и вузов, которые стремятся обучиться влиятельной речи и обучить ей, а также для всех тех, кто теоретически и практически постигает законы публичного выступления.

Н.Е. ТРОПКИНА
(Волгоград)

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
САЕНКО Н.Р. «НИГИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРЫ (ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ)»
(Волгоград: Изд-во ВГПУ
«Перемена», 2010. 218 с.)**

У современного итальянского писателя Л. Малербы в серии прелестных басен «Башковитые курицы» есть и посвященная специфике философии как формы знания: «“Чтобы стать философом, говорила одна старая курица, возмнившая себя очень мудрой, не обя-

зательно думать о чем-то, можно думать ни о чем". Именно так она стала философом». Подобная ирония, граничащая с каламбуром, актуальна лишь отчасти.

Современный этап развития культуры отличают ее постоянное усложнение, ускоренная динамика. Социокультурные трансформации сопровождаются изменениями в философии. В прошедшем XX в. философия культуры обнаружила явный кризис традиционных методологий, которые вступили в противоречие с многоликостью реального мира, с проявившейся относительностью ценностей и культур. Это делает тему книги Н. Р. Саенко «Нигитология культуры (опыт построения)» необыкновенно актуальной. В настоящее время можно с уверенностью констатировать, что активизировавшиеся поиски философией новых форм самоосуществления заканчиваются на поэзии. И речь не только об иллюстративном материале, но и о способе говорить о неявленном, запредельном. Вспомним, как сетовал Ж. Баттай в работе «Ненависть к поэзии»: «Погрязая в философии, я пытаюсь выразить в возможных терминах то, что могла бы выразить одна лишь поэзия, которая является языком невозможного».

В книге Н.Р. Саенко многоаспектно объясняется, что «телом» или «домом» философии является поэзия (в книге «звучат» стихи Р.-М. Рильке, Д. Хармса, И. Бродского, Д.А. Пригова, Л. С. Рубинштейна). Центральный концепт небытия проводится автором через мифологические и религиозные сюжеты, сравнивается со спецификой языкового сознания, поэтической речи. Наконец, инобытие, моделируемое в литературных текстах, признается своеобразным обнажением внутренней формы культуры как таковой.

Пожалуй, самой важной позитивной чертой книги Н.Р. Саенко является то, что она «провоцирует» на со-размышление, побуждает к со-творческому прочтению, вопрошает, непрерывно иницируя мыслительный поиск читателя в заданном автором русле теоретизаций. Автор удачно избегает клишированных рассуждений о транспостмодернизме как об эпохе заката и деградации, что делает возможным глубокое и нетривиальное описание и осмысление сущностных свойств постсовременной реальности.

По убеждению автора рецензируемой книги, автономное изучение и философ-

ское описание *ничто* невозможно без помощи религиозно-мистического опыта и поэтической рефлексии. Возможно лишь изучение осознания *ничто*, его ощущения, концептуализации средствами языка и искусства. Вообще, нужна изрядная смелость, чтобы помыслить небытие, допустить его в свои рассуждения, признать его роль в самом факте сознания и творчества («Перед лицом небытия мы жаждем быть» (с. 90)). *Ничто* само ничтожит, но оно же и продуцирует действие, подталкивает к рождению нового, без *ничто* невозможно творение *нечто*. Дыхание небытия – ядовито и разрушительно, но оно же и является лекарством от «переизбытка бытия», от его абсолютной и самотождественной тотальности. Культура как творческий импульс, прорыв к трансцендентному, как балансирование на границе реального и нереального может быть помыслена лишь при допущении *ничто* в качестве *Unggrund*, безосновной основы культуры творчества.

В целом книга Н.Р. Саенко написана ярким, выразительным языком. Автор владеет большим философским, культурологическим и историческим материалом, анализ которого подкреплен множеством аллюзий, цитат и ссылок.

Современные философия культуры и философия литературы, с их открытой для обновления теоретической основой, безусловно, нуждаются в таких фундаментальных, основательных и в то же время глубоко оригинальных работах, как книга Н. Р. Саенко.

Так что курица Л. Малербы может вызывать смех, но и глубинные экзистенциальные переживания (которых в рецензируемой книге немало), подобные тем, что слышим в стихотворении французского поэта-визионера Рене Домаля:

Я мертв, потому что у меня нет желания;

У меня нет желания, ибо я верю, что обладаю;

Я верю, что обладаю, ибо не пытаюсь делиться;

Пробуя делиться, убеждаешься, что ничем не располагаешь;

Понимая, что ничем не располагаешь, пробуешь отдать себя;

Пробуя отдать себя, убеждаешься, что ты сам ничто;

Понимая, что ты сам ничто, желаешь осуществиться;

Желяя осуществиться, начинаешь жить.